

УБЕЙ СВОЮ ТРУСОСТЬ

Сказка

Высоко-высоко в горах, в маленьком ауле жил-был юноша по имени Заур.

Рос он так же, как и все другие мальчики, но, в отличие от них, он был труслив — не бегал по крутым каменистым тропам, не таскал яиц из орлиных гнезд. Да что там говорить: он даже боялся один оставаться дома, когда ночь обнимала горы черными руками.

— Позор нашим сединам,— говорили мать и отец Заура.— Сын наш растет трусом.

А скоро и друзья покинули его:

— Дружить с трусом — все равно, что врага иметь. Только с врагом знаешь что делать.

Разгневался отец Заура и выгнал сына из дома:

— Убирайся прочь с глаз моих! И пока не наберешься храбрости, этот дом не будет твоим. Докажи, что ты сын своего отца и умеешь держать в руках оружие.

Опустил юноша голову и пошел куда глаза глядят.

Шел он крутыми каменистыми тропами, взбирался все выше и выше, пока тропинка не уперлась в тонкую жердочку, переброшенную через пропасть. А внизу бурлит и пенится поток. И в этот миг услышал Заур за спиной грозный рык. Оглянулся, колени его затряслись от страха, а сердце покатило куда-то вниз, ближе к пяткам: огромный барс готовился к прыжку, очерив клыкастую пасть. Словно вихрь подхватил юношу — не помня себя от

страха, бросился он бежать по жердочке через пропасть. Но страх толкнул его вниз. Страшно закричал трус, увидев на дне пропасти свою смерть. Только не суждено ему было погибнуть в этот раз. Вода потока мягко приняла его в объятия и понесла вдаль, пока не прибила его к берегу.

Выбрался Заур на берег, высушил одежду и только собрался в путь, как откуда ни возьмись появился перед ним маленький горбатый старичок с длиннющей седой бородой.

— Здравствуй, Заур,— проговорил он тонким голосом.— Что же ты думаешь дальше делать? Как собираешься трусость свою одолеть?

Удивился юноша:

— Откуда ты, дедушка, знаешь мое имя? Кто рассказал тебе о моей беде?

Усмехнулся старичок в белую бороду и говорит:

— Тысяча лет прошумела надо мной, тысяча лет согнула мою спину и выбелила волосы, потому и немудрено, что я все знаю.

— Если так, то посоветуй, дедушка, как с трусостью моей справиться?

— Чтобы извести ее, нужно через пять страхов пройти. Нелегкая это для тебя задача. Ну ничего, чем могу — помогу. Вот тебе лук тугой, стрелы быстрые да меч богатырский.

— Да что мне с ними делать, дедушка,— говорит Заур,— если я ни того, ни другого в руках держать не умею?

— А в этом я тебе не помощник. Сам трудом своим да смекалкой осилъ. Осилишь — расправишься со своей трусостью, не осилишь — пеняй на себя: жить тебе век в одиночестве вдали от отца-матери и друзей твоих, — проговорил старик эти слова и исчез так же вдруг, как и появился.

Взял трус в руки меч, лук со стрелами. Постоял, поразмыслил над всем, что сказал ему Дед-тысяча лет, и отправился в путь.

Шел он, шел, едва заметной тропинкой, пока не привела она его к огромной пещере — дальше дороги не было. Постоял Заур в раздумье: войти в пещеру страшно, а если не войти?.. И тут он снова услышал слова старика:

— Жить тебе век твой в одиночестве, вдали от отца-матери и друзей твоих... — услышал он это и, пересилив страх, вошел в пещеру.

Вдруг со страшным грохотом обвалилась огромная скала и закрыла вход в пещеру. Бросился Заур к выходу, да не тут-то было — такую скалу и великану сдвинуть не под силу. А все каменные выступы в пещере задвигались, превращаясь в длинные корявые руки. Они тянулись к юноше, и он уже чувствовал холод каменных объятий.

Выхватил он тогда меч из ножен и стал рубить направо и налево, пока все вокруг не покрылось черной кровью. Ее поток снес скалу, которая закрывала вход

в пещеру, и очутился Заур на свободе.

Бросился бежать юноша, сам не зная куда.

Бежал Заур до тех пор, пока не выбился из сил. Упал он на землю и лежал, со страхом вспоминая о первом испытании.

Внезапно, прямо из-под земли стали вырываться клубы черного дыма. Заволокло дымом все вокруг, одело черной пеленой. А из пелены начали наплывать на него какие-то чудища. Они скалили зубастые пасти, тянули к нему когтистые лапы. Испугался трус пуще прежнего, но снова услышал над собой знакомые слова:

— Жить тебе век в одиночестве...

Схватил Заур свой меч и давай им размахивать. Но меч проходил сквозь чудищ, как нож сквозь масло, не причиняя им вреда. И снова скалились зубастые пасти, тянулись когтистые лапы.

Тогда поднял Заур тугой лук, выпустил стрелу, а сам ухватился за нее, и вынесла она его на вершину высокой горы, упершейся в голубое небо.

Посидел на вершине Заур, отдышался и решил спуститься вниз. А ровной дороги нет, только узенькая тропочка вьется лентой, пересекая ледники и бурные горные речки. Трясется Заур от страха, но спускается. И тут задышала могучей грудью гора, заходила ходуном, столкнула вниз

огромные льдины и камни.

Застыла от страха кровь в жилах у Заура. Не знает он, как быть дальше, как спастись от верной смерти. И снова вспомнился ему Дед-тысяча лет, снова слышались его слова:

— Жить тебе век в одиночестве...

Вытащил он стрелу из колчана, воткнул ее в землю, хотел удержаться за нее, но не тут-то было — не выдержала стрела, сломалась и покатился Заур вниз, в пропасть. Достал он вторую стрелу, воткнул ее в землю, но и та обломалась. Только третья стрела выдержала. И сразу же замер обвал, утихомирился.

Поднялся юноша, отряхнулся и стал карабкаться по каменистым склонам. И меньше страха было уже, не дрожали колени, не тряслись руки. Лишь, когда смотрел вниз, замирало сердце.

За скалистыми заснеженными вершинами садилось солнце. Ночь наплывала на склоны, бросая на них черные тени.

Лег Заур на жесткую каменную постель, положил в изголовье большой камень. Но только приготовился ко сну, как услышал чье-то злобное шипенье: огромная змеиная пасть надвигалась на него, готовясь проглотить юношу. Схватился он было за меч, но было поздно — тугие кольца обвили его тело, а зубастая пасть прошипела над ухом:

— Вот и конец тебе пришел, добрый молодец. Не увидишь ты больше ни отца, ни матери. Прощайся с жизнью!

Вспомнился в этот миг Зауру Дед-тысяча лет, и снова слышались слова:

— Жить тебе век в одиночестве...

Вздохнул Заур всей грудью, набрался сил, схватил змею за горло, стал ее душить. Чудище выкручивалось и так, и этак, все сильнее сжимая юношу в своих объятиях, но он не выпускал змею из рук до тех пор, пока, наконец, не почувствовал, что она ослабела; а потом растянулась на земле бездыханной. Упал Заур рядом с чудищем и заснул богатырским сном.

Утром поднялся Заур, расправил плечи и подумал:

— А не пойти ли мне теперь до-

мой? Правда, Дед-тысяча лет говорил о пяти страхах, а я прошел лишь через четыре. Как же мне быть, где повстречаться с пятым? И снова услышал он знакомый голос:

— Ступай себе домой, будет встреча и с пятым!

Обрадовался Заур — уж очень ему хотелось повидать родных.

И зашагал юноша к родному аулу.

Долго он шагал неведомыми тропами, поднимался на крутые вершины, спускался в бездонные пропасти. Наконец увидел знакомые крыши. Но что это там происходит? Низко над землей кружит какое-то чудище, хватает людей когтистыми лапами, поднимает их ввысь и бросает на острые скалы.

Закипела у Заура кровь от горячего гнева, выхватил он меч и бросился на чудовище. Взмахнул мечом, да так сильно ударил страшилище по громадной голове, усыпанной мерзкими бородавками, что рассыпался меч на мелкие осколки. Дрогнуло на мгновение сердце юноши, но только на мгновение, и как только взмыло чудище вверх, быстро послал он ему вслед звенящую стрелу из тугого лука. Страшно закричало чудище и рухнуло вниз. Тут все, кого убило страшилище, ожили, поднялись на ноги, как после долгого сна, с радостью и недоумением оглядываясь вокруг.

А Заур вдруг увидел, как там, где было у него сердце, открылась рана и выползла из нее черная змея. И знакомый голос проговорил:

— Убей ее, Заур, это твоя трусость!

Не долго думая, ловко схватил юноша змею и изо всех сил ударил оземь.

Подбежали к нему люди, стали благодарить за избавление. Но каково же было их удивление и радость, когда в своем избавителе узнали они Заура. Горячо обняли мать и отец сына, которого давно уже считали мертвым.

С тех пор не знали горы такого смелого человека, каким стал Заур, убивший свою трусость.

КАК НА ЛГУНЬЕ ВОДУ ВОЗИЛИ

Сказка

Жили на белом свете муж да жена, и была у них дочка Маша. И все было бы хорошо, и счастье не уходило бы из дому, да уж очень любила Маша обманывать — что ни слово, то неправда, что ни слово, то обман. И мать корила ее, и отец наказывал — ничего не помогало. Девчонка смеялась в ответ и лгала пуще прежнего.

— Ложь да обман к добру не приведут, — говорила ей часто мать, — будут возить на тебе воду, уж лучше избавься от дурной привычки.

— Ну, уж и воду! — хохотала в ответ озорница и бежала играть на широкий двор.

Проходила однажды по улице нищая слепая старушка.

— Эй, бабушка, поверни немного вправо, а то угодишь в лужу! — крикнула Маша.

— Спасибо, внученька, — поблагодарила ее старушка, повернула вправо, споткнулась и упала в грязную лужу. А злая девчонка стояла и смеялась.

— Ты будешь проклята, с трудом поднимаясь, сказала нищая, — на тебе до тех пор будут возить воду, пока ты не перестанешь лгать. — Проговорила она эти слова и исчезла.

Вдруг потемнело небо, хмурые тучи закрыли солнце, из-за них вылетела громадная черная птица, сверкая маленькими красными глазками и щелкая длинным зубастым клювом. Схватила она лгунью цепкими лапами, подняла, взлетела ввысь и понеслась через моря, горы, леса и реки.

Долго летела птица — три дня и три ночи сменили друг друга. Только ветер свистел в ушах у девчонки, да замирало от страха сердце. И вот, наконец, на четвертый день прилетели они в неведомую страну.

Незнакомые чужие люди с криками: — Лгунья! Лгунья, — окружили Машу, схватили за руки и запрягли в

телегу, на которой стояла бочка с водой. А потом из толпы вышел седой старик с длинной белой бородой и проговорил:

— Каждый день с утра и до вечера, пока не сядет солнце, ты будешь возить воду вон на ту гору. Пищей тебе будет хлеб, солома — постелью. Продолжаться так будет до тех пор, пока не разучишься обманывать людей, и пока сердце твое не пообреет.

— Но ведь я никогда никого не обманывала! — в отчаянии закричала девчонка. — Я просто шутила.

— Ты опять лжешь, — с презрением сказал старик, и все разошлись, кроме одного человека, который должен был присматривать за лгуньей. Взял он длинную хворостину и погнал Машу к реке, больно постегивая ее по спине. Подъехала телега к реке, наполнила лгунья бочку водой и потащила в гору. Жаркое солнце жгло голову, пот заливал глаза, бочка была очень тяжелой, но телегу нужно было тащить, не останавливаясь, иначе хворостина с силой опускалась на спину.

От зари до зари возила она воду на гору. А когда садилось солнце, шла в хижину, съедала кусок черного хлеба, запивая его водой, ложилась на солому в углу и засыпала. Врать же она никак не могла отучиться — настолько привыкла.

Однажды вечером пришла она в свою хижину и видит — поджидает ее тот самый старик с белой бородой, что заставил возить воду на гору.

— Ну, работница, сколько бочек воды свезла на гору?

— Сегодня целых двадцать пять... Ух, как трудно было, едва на ногах держусь.

— Видно, не хочется тебе домой. Сидит еще в тебе неправда, не можешь ты с ней справиться. Ведь свезла ты сегодня только двадцать бочек. Потрудись-ка еще. — И ушел.

Заплакала лгунья, да ничего не поделаешь — сама виновата. Легла на солому и уснула.

На другой день, как только взошло солнышко, снова впряглась она в телегу и потащила ее к реке. Вышла на берег,

зачерпнула ведром воды, чтобы напиться, смотрит, а в ведре рыбка мечется. Хотела было ухватить ее рукой, а рыбка высунулась из воды и проговорила вдруг человеческим голосом:

— Выпусти меня, девочка, в реку, я тебе услугой отплачу.

Растерялась лгунья и говорит:

— Совсем как в сказке. Но какую же ты мне можешь службу сослужить — такая маленькая, слабая...

— Я помогу тебе бежать отсюда. Выслушай меня: сегодня вечером, как только стемнеет, выйди на опушку леса. Там встретишь девочку, которая и покажет тебе дорогу.

— Ну, ладно, убирайся к себе в реку, но смотри, если обманешь, не попадайся! — И отпустила лгунья рыбку.

Вечером, едва стемнело, вышла она крадучись из хижины и побежала к лесу. Ноги путались в густой высокой траве, за спиной что-то ухало и рычало, страх обнял ее своими холодными лапами, но она все бежала вперед, пока не оказалась на опушке леса.

И вдруг как будто из-под земли перед ней появилась маленькая девочка, одетая в рваное землистого цвета платье и такого же цвета шапочку; руки и ноги ее покрыты густым слоем пыли. Подошла она к лгунье и говорит тоненьким голосом:

— Здравствуй, Маша. Я — тропинка. Когда-то была я такой же девочкой, как и ты, и очень любила говорить неправду, а теперь расплачиваюсь за это. Каждый день и каждый час я бегу, бегу и привожу людей куда им нужно. А сама остаюсь тропинкой. Я знаю, что тебя ко мне прислала рыбка из нашей речки; она просила помочь тебе. — И тут же девочка-тропинка исчезла, зато перед лгуньей появилась едва заметная дорожка.

Побежала она среди высоких деревьев в такой глуши, куда никогда не заглядывало солнце, все вперед и вперед.

Долго бежала Маша по тропинке, устала — ноги не держат больше, но только хотела присесть на пенек, как вдруг чей-то тоненький голос произнес:

— Не садись, девочка, на пенек, беги вперед, не то схватят тебя серые волки.

Испугалась лгунья, и прибавилось у нее от страха сил. Побежала она дальше. Час прошел, другой. Сон смыкает глаза, усталость наваливается на плечи тяжелой ношей. Внезапно деревья расступились, и на маленькой лужайке рассмотрела лгунья в темноте ту самую птицу, что принесла ее когда-то в неведомую страну.

Схватила птица девочку своими крепкими лапами, взлетела в черное ночное небо. Заплакала лгунья от страха и обиды, а вслед ей летел злой смех, и кто-то кричал знакомым тоненьким голосом:

— Обманула, обманула! Принесла птица лгунью к хижине под горой, бросила у порога и улетела. Горько плакала лгунья, лежа на соломе, — уж очень обидно, что ее обманула какая-то маленькая девочка-тропинка. А кто-то неведомый и невидимый шептал ей в ухо:

— Но ведь ты же сама все время всех обманывала...

И началось все сначала: горячее солнце, тяжелая телега, крутая гора.

Подошел вечером к хижине седебородый старик и спросил:

— Эй, лгунья! Сколько раз поднималась, сегодня на гору, сколько бочек воды отвезла?

— Двадцать раз поднималась сегодня я на гору, двадцать бочек воды отвезла. Отпусти ты меня, дедушка, домой к отцу с матерью, никогда больше не буду никого обманывать.

Потеплело суровое лицо старика, но ничего не ответил он, молча ушел в темноту.

Прошла еще неделя. На закате у хижины снова появился седебородый старик:

— Эй, лгунья! Ответь мне, сколько раз поднималась ты сегодня на гору, сколько бочек воды отвезла.

— Двадцать раз поднималась на гору, двадцать бочек воды отвезла. Нет у меня больше сил, никогда не стану говорить неправду, отпусти только к отцу

с матерью.

И опять ничего не ответил старик, молча ушел в темноту.

А наутро собрался у реки большой совет — сели широким кругом седые старики с белыми бородами, а в кругу, низко опустив голову, стояла Маша. Поднялся над всеми самый старый и мудрый из них и заговорил громким голосом:

— Посмотрите все на эту девочку. Семь лет пролетело над ее головой, и как только научилась она говорить, ни одно слово правды не слетело с ее языка. За это она сурово наказана. Наш страж — Птица Правды — принесла ее в нашу страну год назад. И все это время возила она на гору телегу с водой, ела черствый хлеб, пила воду, спала на соломе. Она узнала тяжелый труд и горький вкус обмана, она научилась, наконец, говорить правду. Мы отпустим ее домой, и пусть все узнают, что на том, кто говорит неправду, будут возить воду, что наша Птица Правды всегда готова принести в нашу страну всякого лгуна и обманщика. А теперь ступай с миром.

— Ступай с миром,— словно это повторили все.

Спустилась из поднебесья огромная белоснежная птица, села на нее Маша, обняла руками ее большое теплое тело, и они полетели. Полетели над морями, лесами, пустынями, сквозь пургу и ночь, сквозь зной и град. Трижды всходило и садилось солнце, и лишь на четвертый день увидела Маша далеко внизу родную деревню.

Села птица. Выбежали навстречу дочке отец с матерью, обнимают ее, целуют, обливаются слезами от радости.

С тех пор никогда уж больше не говорила Маша неправды и рассказывала всем девочкам и мальчикам о том, что случилось с ней в далекой неведомой стране:

— Никогда не говорите неправды, никого не обманывайте — прилетит из далекой страны Птица Правды, унесет на своих широких крыльях, и станут на вас воду возить.